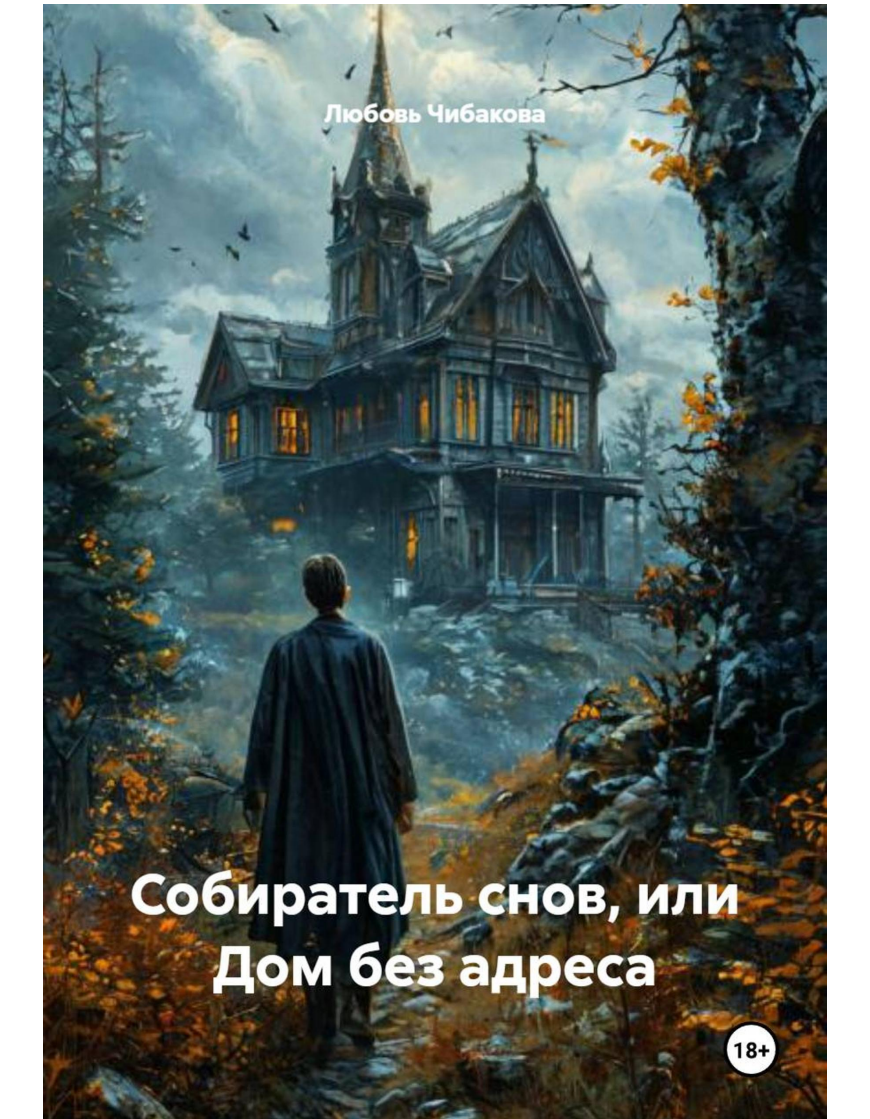

Любовь Чибакова

Собиратель снов, или Дом без адреса

18+

Любовь Чибаква Собиратель снов, или Дом без адреса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73410413

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть человек, который собирает утраченные сны. Его зовут Олег. Он не меняет прошлое и не возвращает мечты. Он лишь досматривает чужие сны до конца – чтобы они могли исчезнуть правильно.

Люди не благодарят его. Они даже не догадываются о нём.

Но иногда, чтобы жить дальше, достаточно просто перестать быть разорванным.

Любовь Чибакова Собиранитель снов, или Дом без адреса

Пролог

Он появился не сразу.

Сначала люди замечали другое: вдруг становилось слишком спокойно.

Там, где всегда шумело – тишина ложилась плотнее обычного.

Там, где годами никто не задерживался – кто-то неожиданно присаживался.

На скамейке без вида. У дома без номера. Возле травы, которая почему-то знала имя.

Никто не искал его специально. И правильно делал.

Он не любил, когда его искали.

Говорили, что если слишком долго стоять в таком месте – можно услышать, как мир делает вдох.

Не громко. Почти незаметно.

Будто решает: оставить или отпустить.

Он приходил именно тогда.

Без часов.

Без маршрута.

Без адреса.

Мужчина средних лет – так бы его описали, если бы пытались. Но никто не пытался.

Глаза у него были внимательные, не любопытные. Руки – спокойные, как у человека, который давно понял: спешка здесь ни к чему.

Он не забирал людей.

Не спасал их.

И не вмешивался, если его не просили.

Он собирал другое.

Места, где что-то не договорили. Комнаты, из которых ушли, но не вышли. Дома, которые появлялись раз в году – и ждали не жильцов, а решения.

Иногда – сны.

Те самые, что остались на границе пробуждения и так и не стали реальностью.

Он знал: если тихое место не будет найдено вовремя – оно начнёт искать само. И тогда искажается всё.

В этот раз он почувствовал это раньше обычного. Слишком рано. Слишком близко.

Дом без адреса снова появился.

А значит, кто-то не успел.

Олег проснулся без будильника.

Так у него выходило всегда – за пару минут до звонка, будто тело знало расписание лучше головы. Он полежал, глядя в потолок, где трещина уже много лет напоминала очертания реки. Река никуда не текла, но Олегу это нравилось.

Квартира была маленькая, аккуратная, без попыток казаться уютной. Однокомнатная, на третьем этаже старого дома, который пережил слишком много ремонтов, чтобы выглядеть старым, и слишком мало заботы, чтобы выглядеть новым. Здесь ничего не скрипело и ничего не раздражало – главное достоинство любого жилья.

Олег жил один. Не потому что не получилось иначе, а потому что так было тише.

Кухня переходила из коридора почти незаметно: те же стены, тот же свет, та же спокойная бедность пространства. Узкий стол у окна, электрочайник, который щёлкал громче, чем хотелось бы, и подоконник, на котором росла трава в горшке. Олег не знал, как она называется. Зато знал, что если сказать ей «утро», листья слегка шевелились – от сквозняка или нет, он никогда не уточнял.

Кофе он варил в турке. Медленно. Не из привычки – из уважения к процессу.

Работал Олег архивистом.

Не тем романтическим хранителем тайн, каким это слово иногда звучит, а вполне земным специалистом по муници-

пальным фондам: планы застройки, утраченные адреса, здания, которые числились, но не существовали, и существовали, но нигде не значились.

Его отдел назывался длинно и бессмысленно – Центр учета и систематизации исторически значимых объектов городской среды, поэтому все говорили просто: архив.

Олегу нравилась эта работа. Она не требовала спешки и не терпела суеты. Факты нужно было не искать – а дожидаться, пока они сложатся сами.

Коллеги считали его немного странным. Слишком внимательный. Слишком спокойный.

Слишком часто он находил то, что по документам считалось утраченным навсегда.

В тот день он вышел из дома, запер дверь и, как всегда, на секунду задержался на площадке. Не проверяя замок – просто постоял. Будто прислушивался.

Ничего необычного не произошло. Ни звука. Ни тени. Самый обычный день.

Именно с таких всё и начинается.

Рабочий день Олега начинался одинаково. В этом была его тихая гордость. Он приходил на пятнадцать минут раньше – не потому что требовали, а потому что так было проще: коридоры ещё не успевали наполниться голосами, принтеры не скрипели, люди не начинали быть людьми. Здание просыпалось медленно, как старый зверь, которому не нравится, когда его трогают.

Он работал в архивно-экспертном отделе. Название было длинным, канцелярским, и никто толком не мог объяснить, чем именно они занимаются. Формально – классификация утраченных объектов: домов, участков, строений, которые числились в документах, но не совпадали с реальностью. Фактически – разбор того, что не вписалось.

Коллектив был небольшой. Слишком небольшой, чтобы называться командой, и слишком устойчивый, чтобы называться случайным.

Анна – всегда с наушником в одном ухе, будто кто-то постоянно шептал ей что-то важное.

Игорь – молчаливый, аккуратный, с привычкой перечёркивать слова, а не стирать.

Начальник отдела Григорий Сергеевич – человек без резких движений и без лишних вопросов. Именно такие дольше всего держатся.

Олег с ними не дружил. И не ссорился.

Он существовал рядом – как шкаф, который всегда был в комнате и никому не мешал.

– Доброе, – сказал он, проходя мимо.

– Ага, – отозвались ему в ответ.

Этого было достаточно.

Он сел за стол, включил монитор, открыл список дел. Проверки, сверки, корректировки. Дом, которого нет. Участок, который значится, но не найден. Подъезд без входа. Вещи, которые не кричали о себе – просто тихо не совпадали.

И именно на третьем объекте что-то сдвинулось.

Олег перечитал адрес. Потом ещё раз. Потом посмотрел на схему. Ничего странного. Всё на месте.

Он пролистал документ вниз – и на секунду поймал себя на ощущении, что строка уже была прочитана. Не дежавю. Скорее... опоздание. Будто мысль пришла чуть позже, чем взгляд.

Олег моргнул.

Прокрутил вверх. Снова вниз. Строка была новой. Абсолютно обычной. Но раздражение осталось – мелкое, как песчинка в обуви.

– Всё в порядке? – спросила Анна, не снимая наушник.

– Да, – ответил он сразу. Слишком резко.

Он не стал возвращаться к этому. Так он всегда делал: если вещь не требовала внимания – он не давал ей имени.

Обед он ел в одиночку. Всегда.

Не из принципа – просто никто не звал, а он не умел звать сам. Сидел у окна, наблюдал, как люди проходят мимо, и чувствовал странное спокойствие от того, что их жизни не требуют от него участия.

Он возвращался к работе ровно в назначенное время. Не раньше. Не позже.

И уже под вечер заметил ещё одну мелочь: папка, которую он точно закрывал, оказалась открытой.

Не критично. Не страшно.

Олег закрыл её снова. Аккуратно. Проверил, что сохра-

нилось.

Устал, – подумал он.

Это было самое логичное объяснение. И, как позже выяснилось, самое удобное.

Глава 2

Олег знал о своей странности давно.

Настолько давно, что перестал считать её странностью.

Ещё в юности он понял простое правило: если не называть происходящее словами, оно ведёт себя тише. Не требует объяснений. Не лезет в жизнь. Сны – особенно чужие – были именно такими.

Он видел их не как картины и не как видения. Скорее как следы. Обрывки ощущений, оставшиеся в местах, где когда-то кто-то не досмотрел, не договорил, не дожил до конца. Иногда это было похоже на запах, которого нет. Иногда – на знание, пришедшее без причины.

Он никогда не рассказывал об этом. Никому.

Не потому что боялся – просто понимал: как только сказать вслух, придётся отвечать. А он не собирался становиться тем, кто объясняет чужую боль.

Поэтому он выбрал работу, где умение не задавать лишних вопросов считалось профессионализмом.

Архивно-экспертный отдел был идеальным прикрытием. Здесь никто не удивлялся несоответствиям. Здесь нормаль-

но было работать с тем, чего нет. С домами, которые числятся, но не стоят. С участками, которые существуют только на бумаге. С адресами без входа.

Коллектив принимал Олега как данность.

Он приходил раньше всех. Уходил вовремя. Делал ровно столько, сколько требовалось. Не больше. Не меньше. Он знал, где проходит граница – и не пересекал её.

До сегодняшнего дня.

Сбой был незначительным. Настолько, что его легко можно было списать на усталость.

В одном из файлов – обычная проверка, типовой объект – он вдруг почувствовал знакомое напряжение. Не картинку. Не голос. А именно присутствие сна. Чужого. Старого. Потерянного.

Он замер. Мышь зависла в руке.

Такого не должно было быть.

Сны не цеплялись за документы. Они оставались в местах. В щелях между реальностью и памятью. В домах без адреса. Но не в цифрах.

Олег прокрутил файл вниз. Потом вверх. Ничего. Ощущение не исчезло.

Это раздражало. Не пугало – раздражало. Как звук, который вроде бы есть, но никто, кроме тебя, его не слышит.

Он закрыл файл. Открыл следующий.

Сон ушёл. Но не до конца. Он словно оставил след – тонкий, упрямый, как трещина под слоем краски.

До конца рабочего дня Олег больше не позволял себе думать об этом. Он знал: если начать – не остановишься.

Но вечером, выходя из здания, он поймал себя на мысли, что впервые за долгое время ждёт продолжения. И это было плохим знаком.

Потому что его главное правило всегда было простым: чужие утраченные сны не нужно собирать. Их нужно оставлять там, где они забылись сами.

Утраченный сон – это не просто сон, который забыли утром. Это было бы слишком легко.

Настоящие утраченные сны никогда не исчезают полностью.

Это сны, которые должны были изменить человека, но не были прожиты до конца.

Иногда человек просыпается слишком рано – и что-то важное обрывается на вдохе.

Иногда пугается и вытесняет, решив, что лучше не помнить.

Иногда отмахивается: ерунда, просто сон.

А иногда жизнь вмешивается грубо и без предупреждения – звонком, болью, смертью, переездом.

Сон не успевает завершиться. И он остаётся. Как неиспользованный билет. Как незакрытая дверь.

Такой сон уже не принадлежит человеку полностью, но миру он тоже ещё не отдан.

Он висит.

Именно такие сны Олег видел. Не каждую ночь и не постоянно. Он ощущал их иначе – как слабый след. Как запах, которого нет. Как дрожание воздуха. Как чужую тоску без слов и лица.

Он знал: если таких снов становится слишком много, мир начинает вести себя странно.

Люди чувствуют необъяснимую пустоту, не понимая, откуда она. Появляются тихие места, в которых хочется замолчать.

Дома без адресов. Пространства, где что-то должно было случиться – и не случилось.

Вот тогда появлялся он. Олег не спасал людей. Он убирал последствия.

Он находил утраченный сон и досматривал его вместо человека. Не вмешиваясь. Не исправляя. Просто доводил до той точки, где сон мог исчезнуть сам – правильно и окончательно.

После этого человек не становился счастливее. Не обретал ответы. Не чувствовал благодарности. Он просто переставал быть разорванным.

Это была неблагодарная работа.

Её никто не замечал.

Именно так и должно было быть.

Но у этой работы была цена.

Когда Олег досматривал чужой сон, часть его оседала в нём. Как осадок. Как соль на коже.

Со временем ему стало трудно быть рядом с людьми. Он чувствовал слишком много чужих несбывшихся вариантов.

Разговоры звучали глухо, словно сквозь стекло. Дружба не держалась – распадалась сама, без ссор и объяснений.

Люди рядом с ним начинали испытывать тревогу. Не понимали почему. Говорили: «Вроде всё нормально... но что-то не так».

Поэтому одиночество никогда не было его выбором. И не было трагедией. Это был побочный эффект. И он это знал.

За много лет Олег выработал единственное правило, которое позволяло ему оставаться собой: не вмешиваться.

Он не искал владельцев снов.

Не задавал вопросов.

Не пытался понять «почему».

Потому что однажды он уже нарушил это правило. И с тех пор не позволял себе помнить подробности. Он просто делал работу – и уходил.

Глава 3

Утро было ранним – из тех, что случаются только в июне.

Солнце ещё не поднялось высоко, но уже было тепло, и воздух казался густым, насыщенным запахами травы и влажной земли. Парк только просыпался: редкие птицы перекликались осторожно, будто проверяя, можно ли уже начинать день всерьёз.

Олег вышел из дома раньше обычного.

Ему вдруг захотелось пройтись пешком – не потому, что нужно, а потому что утро как будто само попросило не торопиться.

На поляне перед парком всё цвело.

Кусты были усыпаны мелкими белыми цветами, трава – ещё прохладная от ночи – хранила следы росы. У прилавка у дорожки уже стояла бабушка с ящиками клубники: ягоды были тёмно-красные, тяжёлые, пахли сладко и слишком полетнему для такого раннего часа.

Именно поэтому дом он заметил не сразу.

Сначала – как несоответствие. Как лишнюю деталь в хорошо знакомой картине.

Олег прошёл несколько шагов, остановился и оглянулся.

На поляне стоял дом.

Невысокий, в два этажа, с узкими окнами и светлым, чуть потемневшим от времени фасадом. Крыша – аккуратная, с тёмной черепицей. Дом не выглядел ни заброшенным, ни новым. Он выглядел... уместным. Слишком уместным.

И именно поэтому – невозможным.

Олег знал эту поляну.

Знал каждый её поворот, каждое дерево. Здесь никогда ничего не стояло. Ни вчера. Ни год назад. Ни вообще.

Дом будто вырос за ночь – но без следов спешки. Он стоял так, словно был здесь всегда.

Подъезд был открыт. Из него вышла женщина.

Ей было около тридцати – может, чуть больше. Светлое платье, простое, без лишних деталей. Волосы собраны небрежно, как собирают их не для выхода, а по привычке. В руках – ничего. Ни сумки, ни телефона.

Она остановилась на крыльце, вдохнула утренний воздух и на мгновение закрыла глаза.

Лицо у неё было спокойное. Не счастливое – просто собранное. Такое бывает у людей, которые знают, где они находятся.

Олег поймал себя на странной мысли: она не выглядела как человек, который вышел из дома. Скорее – как человек, который вернулся.

Женщина открыла глаза, посмотрела в сторону парка – и их взгляды встретились.

Ничего не произошло.

Она не вздрогнула. Не удивилась. Кивнула – едва заметно, будто они были знакомы.

И ушла по дорожке, растворившись между деревьями.

Олег ещё какое-то время стоял, глядя на дом. Потом посмотрел на часы. Опоздание не входило в его планы.

На работе он первым делом открыл старые документы.

Поляна перед парком значилась в архиве чётко и сухо: жилое здание, снесено.

Дата – почти сто лет назад.

Фотографии – чёрно-белые, размытые. Тот же силуэт. Та же форма окон. Тот же подъезд.

Олег откинулся на спинку стула и медленно выдохнул. Значит, дом был. И его не было. И теперь – был снова. Он закрыл папку.

Постучал по ней пальцами, как по крышке гроба для сомнений, и сказал вполголоса:

– Отлично. Прекрасно. Началось.

Поздравляю, Олег. Ты дожил. Галлюцинации с архитектурным уклоном.

Он встал, прошёлся по кабинету и добавил, уже строже:

– Никаких домов не бывает. Особенно тех, которые сто лет как снесли. Это усталость. Это недосып. Это кофе на голодный желудок.

Это не дом.

Он кивнул сам себе, как человек, который всё объяснил и остался доволен логикой.

А потом надел кепку и вышел на улицу.

– Проверю, – пробормотал он. – Чисто для порядка. Чтобы потом не возвращаться.

Парк встретил его тем же июньским спокойствием.

Та же поляна. Та же трава. Та же клубника у бабушки, которая теперь уже всюю торговалась с ранними покупателями.

И дом.

Он стоял на месте.

Спокойный. Терпеливый. Совершенно не заинтересованный в том, чтобы исчезать ради чьего-то душевного равно-

весеия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.